

Научная статья

УДК 347.77

DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-3-17-21

О применении принципа добросовестности в сфере интеллектуальной собственности

Гульжан Орнбековна Жуматова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zhumatova_g95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, история и место принципа добросовестности в российском гражданском праве и, в частности, в сфере интеллектуальной собственности. Анализируется судебная практика Верховного Суда Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам о применении критериев добросовестности в конкретных делах, рассматриваются имеющиеся в юридическом сообществе подходы к их обобщению.

Ключевые слова: добросовестность, интеллектуальная собственность, патентное право, исключительные права

Для цитирования: Жуматова Г. О. О применении принципа добросовестности в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 3. С. 17–21. DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-3-17-21.

Original article

On the Application of the Principle of Good Faith in the Field of Intellectual Property

Gulzhan O. Zhumatova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zhumatova_g95@mail.ru

Abstract. The article examines the concept, history, and place of the principle of good faith in Russian civil law and, in particular, in the field of intellectual property. It analyzes the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Court for Intellectual Property Rights on the application of the criteria of good faith in specific cases, and examines the approaches to their generalization in the legal community.

Keywords: good faith, intellectual property, patent law, exclusive rights

For citation: Zhumatova GO. On the Application of the Principle of Good Faith in the Field of Intellectual Property. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2025;10(3):17-21. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-3-17-21.*

В соответствии с п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) добросовестность является одним из основных начал современного гражданского законодательства. Она подразумевает под собой обязанность участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей действовать ожидаемо, с учётом прав и законных интересов другой стороны и с содействием ей, в том числе в получении необходимой информации (абзац третий п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), а также запрет на извлечение участниками гражданских правоотношений преимущества из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Принцип добросовестности известен ещё со времён Древнего Рима, где «искам строгого права» противопоставлялись выделявшиеся в особую категорию «иски доброй совести» [2, с. 4]. На формуле «bona fides» были основаны контракты купли-продажи, аренды, подряда, перевозки, найма, услуг, поручения,

товарищества, залога; безымянные контракты (мена, комиссия); фидеикомиссы (доверительное поручение завещателя наследнику); фидуциарный договор, оформлявший, в том числе, установление реальной гарантии обязательства; договоры ссуды, поклажи и поручения; а также приобретение по давности, опека, имущественные отношения между супругами и поручительство [2, с. 18].

В российском дореволюционном законодательстве понятие «доброй совести» исследовалось главным образом применительно к приобретению права собственности по давности. В соответствии со статьями 529 и 530 X тома Свода законов Российской империи владение признавалось добросовестным, если владелец имущества не знал, что таковое на основании какого-либо титула (наследство, бывшее непрерывное владение или иные законы) принадлежит другому, и оставалось таковым до момента, пока не будет доказано, что владельцу достоверно известна неправомерность его владения.

Однако, как утверждал И. Б. Новицкий, понятие добросовестности в субъективном смысле, определяющееся «знанием или незнанием фактов», на тот момент имело значение и для обязательственного права. Анализируя положения проекта Гражданского уложения Российской империи, автор указывал на отсутствие в общей части кодекса определения понятия добросовестности, несмотря на неоднократное его упоминание по тексту проекта в субъективном смысле, и предлагал внести в тексты соответствующих статей основные его признаки, приравнивая к «знанию лицом известных фактов» и «незнание, вытекающее из небрежности лица».

Среди положений проекта, ограничивающих свободу договорных соглашений, с точки зрения доброй совести в объективном смысле И.Б. Новицкий выделял статью 31 об оспаривании чрезмерно невыгодного договора, заключенного при злоупотреблении властью или «нуждой и несчастьем другого», а также статью 70 о праве суда снижать договорную неустойку по просьбе должника.

Помимо изложенного, автор также отмечал значительную роль принципа добросовестности и при толковании договоров, и при исполнении обязательств, а также при осуществлении гражданских прав. [2]

В период советского права термин «добросовестность» трансформировался в «добропорядочность», а с принятием действующего ГК РФ приобрёл свою значимость в отечественном гражданском праве, получив наиболее широкое применение в вещном праве применительно к защите добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ) и оценке добросовестности владельца для признания права собственности по приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ).

После внесения изменений в ГК РФ Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изме-

нений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» добросовестность стала рассматриваться в качестве общего принципа гражданского права, распространяющегося не только на положения вещного, но и на иные гражданские правоотношения, в том числе, возникающие по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности.

В гражданском законодательстве категория добросовестности в сфере интеллектуальных прав прямо упоминается только в двух случаях: применительно к праву преждепользования (п. 1 ст. 1361 ГК РФ) и исключительному праву на секрет производства (п. 2 ст. 1466 ГК РФ).

Право преждепользования по смыслу ст. 1361 ГК РФ представляет собой возможность лица, не являющегося правообладателем, безвозмездно использовать техническое решение, тождественное запатентованному объекту или отличающееся от него только эквивалентными признаками (для изобретений), после того, как на такой патентоохраняемый объект был получен патент иным лицом. Условием для такой возможности является добросовестное использование решения на территории Российской Федерации до даты приоритета либо осуществление необходимых приготовлений к такому использованию.

При этом «права преждепользователя ограничены тем объёмом применения тождественного решения, который был им достигнут на дату приоритета, либо, если использование не было начато до этой даты, объёмом, соответствующим сделанным приготовлениям» (п. 28 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015)).

В то же время в литературе высказывается мнение о чрезмерности применения в условии о признании права преждепользования формулировки о добросовестности. Так, Г. Н. Чернишкина полагает, что «все действия до даты приоритета объективно добросовестны, так как исключительное право ещё не установлено и нарушено быть не может» [4].

Кроме того, Г. Н. Чернишкина отмечает, что категория добросовестности в части четвертой ГК РФ трактуется по-разному: при установлении права преждепользования — в отношении «использования» технического решения, а при установлении исключительного права на ноу-хау — в отношении «обладания объектом права», что, по её мнению, является более верным, поскольку если при независимом обладании такими же сведениями приобретается в отношении них самостоятельное исключительное право (п. 2 ст. 1466 ГК РФ), то и при самостоятельном и добросовестном создании тождественного технического решения лицо должно обладать правом его использования [4].

Помимо права преждепользования суды рассматривают с точки зрения добросовестности и иные аспекты патентного права.

Так, в рамках спора между предприятием и его сотрудниками о признании недействительным патента на изобретение в связи со служебным характером последнего Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП), отклоняя довод третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, о злоупотреблении правом истцом, выраженным в оспаривании патента исключительно с целью избежания ответственности за нарушение исключительного права на группу изобретений, охраняемых таким патентом, указал, что «такие действия являются добросовестным способом защиты от необоснованного иска за нарушение исключительного права на техническое решение, разработанное на этом предприятии» (постановление Президиума СИП от 17.02.2023 № С01-2583/2022 по делу № СИП-415/2021).

В другом деле о признании патента недействительным в связи с неуказанием в качестве патентообладателей одного из его авторов по иску наследника последнего, добросовестным признавалось поведение уступившего права на получение патента иным лицам автора изобретения, выражавшееся «в отсутствии каких-либо споров о статусе изобретения и об авторском вознаграждении, как с соавторами, так и в отношении принадлежности прав на патент» (решение СИП от 08.02.2023 по делу № СИП-826/2020).

Критерий добросовестности в правоприменительной практике также имеет значение при оценке действий правообладателей товарных знаков и при рассмотрении споров о компенсации за нарушение исключительных прав.

Так, Верховным Судом Российской Федерации 15.11.2023 был утвержден Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (далее — Обзор), согласно положениям которого не являются недобросовестными само по себе неиспользование правообладателем товарного знака на момент обращения за судебной защитой; а также регистрация более поздних товарных знаков, если на дату подачи заявки первого товарного знака одной серии не доказано иное (пункты 1, 9 Обзора).

Напротив, недобросовестными признаются такие действия субъектов гражданского оборота, как:

- приобретение права на товарный знак только с целью предъявления исков о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак без экономического интереса (пункт 2 Обзора);

- приобретение товарного знака, схожего с ранее принадлежавшим этому же лицу товарным знаком,

с целью обхода судебного акта о досрочном прекращении правовой охраны ранее использовавшегося товарного знака в связи с его неиспользованием (пункт 6 Обзора);

- регистрация в качестве товарного знака обозначения, имеющего сильный элемент иного товарного знака, обладающий широкой известностью и высокой степенью узнаваемости потребителями (пункт 7 Обзора).

Кроме того, высшей судебной инстанцией даны рекомендации о том, каким образом и в отношении кого в некоторых случаях надлежит давать оценку добросовестности или недобросовестности участника спора (например, пункты 3, 4, 5, 11, 12, 14 Обзора).

В отношении иных институтов интеллектуальных прав систематизированные рекомендации в настоящее время еще не разработаны, степень заботливости и осмотрительности сторон при осуществлении субъектами своих прав в каждом конкретном случае остаётся на усмотрение суда.

Так, например, при рассмотрении дел о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведение автора, выразившихся в размещении предпринимателями на маркетплейсе и последующей продаже книг лица, право авторства которого предпринимателями не оспаривалось, Суд по интеллектуальным правам исходил из того, что спорные книги введены в оборот в 2005 и 1994 гг. иными издательствами до момента регистрации ответчиков в качестве индивидуальных предпринимателей, и пришел к выводу, что в длительном (19 и 29 лет соответственно) бездействии правообладателя в отношении авторских прав усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения, что стало основанием для отказа в удовлетворении требований (постановления СИП от 06.12.2024 по делам № А40-221521/2023, № А40-221518/2023).

В другой категории дел — о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на фотографические произведения — Суд по интеллектуальным правам приходил к выводу, что не является добросовестным поведением ответчика получение разрешения на публикацию спорных фотографий, полученное у предполагаемого автора посредством обмена сообщениями в социальной сети «ВКонтакте» при невозможности установить настоящего владельца аккаунта, с которым велась переписка (постановление СИП от 06.02.2023 № С01-1959/2021 по делу № А45-8252/2021).

Кроме того, Суд по интеллектуальным правам оставил в силе постановление нижестоящего суда, снизившего компенсацию за нарушение исключительных прав на фотографические произведения в два раза (с испрашиваемых истцом 50 000 руб. за незаконное доведение произведения до всеобщего

сведения путем размещения его ответчиком на странице своего интернет-сайта и 50 000 руб. за переработку фотографического произведения путём обрезки по краям до 25 000 руб. за каждое правонарушение), в том числе в связи с добросовестным заблуждением ответчика относительно возможности использования спорного произведения, поскольку ответчик получил его с сайта, предусматривающего бесплатное использование размещённых фотографических произведений. При этом суд указал, что заимствование фотографии из сети Интернет не освобождает от обязанности соблюдать авторство лиц, чьи результаты интеллектуальной деятельности там размещены (постановление СИП от 20.03.2024 № С01-2754/2023 по делу № А71-2830/2023).

К аналогичному выводу Суд по интеллектуальным правам пришел и в рамках дела о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на 19 спорных видеороликов, использованных в эфирах одной из телепрограмм, по иску индивидуально-предпринимателя к обществу «ПЕРВЫЙ КАНАЛ».

Отклоняя довод ответчика о добросовестности в виде указания ссылки на сайт заимствования без указания при этом автора, которого, по мнению общества, невозможно было установить, суд обратил внимание, что на сайте размещены контакты, необходимые для связи с истцом — телефон и адрес электронной почты, а также присутствуют фотоизображения истца, сведения о полученных им наградах за свои творческие достижения, а также интервью с ним как с автором произведений (постановление СИП от 27.10.2023 по делу № А40-52103/2021).

Таким образом, в настоящий момент в сфере интеллектуальной собственности нет системного подхода к критериям понятий добросовестности, недобросовестности и злоупотребления правом субъектов интеллектуальных прав, что связано, в том числе, с неоднородностью и специфическим правовым регулированием каждого института права интеллектуальной собственности.

В юридическом сообществе неоднократно предпринимались попытки сформулировать такие крите-

рии. Так, например, Сайфутдинова В. М. предлагает рассматривать в качестве таковых применительно ко всем правоотношениям, складывающимся в сфере интеллектуальной собственности, «...согласие автора (правообладателя); соблюдение ограничений и исключений, предусмотренных законодательством; цель создания и способы использования результата интеллектуальной деятельности; поведение субъекта правоотношений, а также недобросовестное поведение хозяйствующих субъектов, направленное на причинение вреда конкурентам, государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации» [5].

А. А. Григорян, в свою очередь, анализируя механизмы противодействия проблеме так называемого «патентного троллинга», приобретшей, по его мнению, особую остроту и актуальность в условиях цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта, указывает на необходимость пересмотра традиционных критериев патентоспособности с учётом специфики цифровых инноваций.

Среди предлагаемых им критериев оценки добросовестного неиспользования патента можно выделить «обязательность исследования судом объективных препятствий к использованию патента; анализ экономической целесообразности неиспользования; оценку намерений патентообладателя; исследование потенциальной возможности использования патента в конкретных условиях» [1].

Однако представляется, что в настоящий момент выделение общих критериев добросовестности в интеллектуальном праве и их закрепление в качестве стандарта доказывания на законодательном уровне или на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является достаточно затруднительным ввиду высокой вариативности правоотношений в сфере интеллектуальной собственности и возможности установления судом категорий добросовестности и злоупотребления правом только с учётом всей совокупности обстоятельств по каждому конкретному делу.

Список источников

1. Григорян А. А. Эволюция патентного законодательства в эпоху цифровых технологий / ИС. Промышленная собственность. 2025. № 2. С. 47–52. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.06.2025).
2. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип. Сайт Института государства и права Российской академии наук. URL: <http://www.igpran.ru/public/articles/3187/> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6, 7, 8. URL: <https://corprf.ru/printsip-dobroy-sovesti-v-proekte-obyazatelstvennogo-prava/> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Сайфутдинова В. М. Принцип добросовестности в праве интеллектуальной собственности : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Сайфутдинова Венера Максutowна; [Место защиты: Российская государственная академия интеллектуальной собственности]. Москва, 2021. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip-dobrosovestnosti-v-prave-intellektualnoi-sobstvennosti> (дата обращения: 25.06.2025).
5. Черничкина Г. Н. Преждепользование и принцип добросовестности в патентном праве // Современное право. 2016. № 12. С. 90–96. СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Grigoryan AA. Evolution of Patent Legislation in the Era of Digital Technologies / IS. *Industrial Property*. 2025. № 2. Pp. 47-52. SPS "ConsultantPlus" (date of access: 25.06.2025).
2. Dozhdev DV. Good Faith (bona fides) as a legal principle. Website of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://www.igpran.ru/public/articles/3187/> (date of access: 25.06.2025).
3. Novitsky IB. The Principle of Good Faith in the Project of Obligatory Law. *Bulletin of Civil Law*. 1916;(6,7,8). Available at: <https://corprf.ru/printsip-dobroy-sovesti-v-proekte-obyazatelstvennogo-prava/> (date of access: 25.06.2025).
4. Saifutdinova VM. The Principle of Good Faith in Intellectual Property Law: Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Saifutdinova Venera Maksutovna; [Place of Defense: Russian State Academy of Intellectual Property]. Moscow, 2021. 23 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/printsip-dobrosovestnosti-v-prave-intelktualnoi-sobstvennosti> (date of access: 25.06.2025).
5. Chernichkina GN. Pre-Use and the Principle of Good Faith in Patent Law. *Modern Law*. 2016;(12):90-96. SPS ConsultantPlus.

Информация об авторе

Г. О. Жуматова — преподаватель.

Information about the author

G. O. Zhumatova — teacher.

Статья поступила в редакцию XX.10.2025; одобрена после рецензирования XX.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.

The article was submitted XX.10.2025; approved after reviewing XX.10.2025; accepted for publication 27.10.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.